

Мало ли неизведанных сил
в природе? Всех их не дано
знать человеку, но узнавать
их ему не воспрещено, как и
пользоваться ими.

*Преосвященный Исидор,
митрополит Новгородский,
Санкт-Петербургский
и Финляндский (XX век)*

РАМЫ БЕЗ КАРТИН

Ну что рассказывать о войне в Венгрии? Особо рассказывать и нечего, война как война, ничего нового. Разве что нужно заметить, что с мадьярами было ой как нелегко, они дрались раз в десять яростнее, чем, скажем, румыны, из которых солдаты вообще как из собачьего хвоста сито. Так что поговорить с ними пришлось, однако ж справились. Как в песне — и на груди его светилась медаль за город Будапешт...

Теперь, много лет спустя, если подумать как следует, приходишь к выводу, что больше всего нас, пожалуй, напрягала даже не мадьярская ярость в бою — всяких видывали, — а их совершенно зубодробительный язык. Зубодробительный! Даже не знаешь толком, как прочесть дорожный указатель, отчего возникали всякие коллизии, не сказать чтобы смешные. Звонит комбат и требует:

— Срочно доложи, к какому населенному пункту вышел!

У него карта советского издания, с русскими, естественно, названиями — а у меня никакой! Вот и ломаешь язык, пытаешься сообразить, как этот ука-

РАМЫ БЕЗ КАРТИН

затель читать, а он орет, весь в нетерпении, со своей стороны пытается подсказывать: «Похоже? А так — похоже?» С первого раза и не получалось. А переводчиков было мало... Ну, и разведчики матерились: зашли в тыл по всем правилам, остались незамеченными, отчетливо слышали офицерские разговоры — и ни словечка не понимали...

Но я не об этом. Расскажу об одном случае, который я и сегодня понять не могу, хотя это чистая правда, все так и было...

Получилось так, что в начале марта сорок пятого наш полк оказался во втором эшелоне — определили на отдых и пополнение, поправление матчасти и прочие необходимые заботы. Потери в Будапеште были большие — а что впереди предстояла еще и мясорубка у озера Балатон, мы тогда еще не знали. Хотя, конечно, как люди бывалые догадывались: если не то что полк, а всю дивизию взялись насыщать личным составом и техникой по полному штатному расписанию — дела будут.

Командиры думали в первую очередь об отдыхе. Отдых — это всегда благодать, особенно когда условия хорошие, а не где-нибудь в палатках в чистом поле.

Всякое бывало, но на сей раз роте, которой я командовал, крупно повезло: так получилось, что нам отвели не просто дом, а здоровущий особняк посреди небольшого парка, где рота разместилась очень даже вольготно. Уже потом совершенно точно выяснилось, что граф был отнюдь не из захудалых: мы-то по русской простоте приняли хоромы за его

главный дворец, а оказалось — чуть ли не охотничий домик, рассчитанный на целую ораву гостей, далеко не единственный. В три этажа, представьте себе, старинной постройки, даже с башенками и флюгерами. Конюшни и псарни, конечно, стояли пустыми — граф со всем добром, какое сумел прихватить, сбежал на Запад еще месяц назад, хотя линия фронта была еще далека (потом выяснилось, что ему было крепко за пятьдесят, а значит, помнил и здешнюю революцию девятнадцатого года, и Венгерскую ЧК...).

Большая часть прислуги, конечно, тоже разбежались — точнее, друженько драпанули в ближайшую деревню, откуда были родом, и притаились там, как мышки (как будто мы собирались их искать и ловить). А для охраны граф, срочно эвакуируясь, оставил в доме четырех старых лакеев. Уж не знаю, что и как наохраняли бы от регулярной воинской части эти четверо старых сморчков, из которых песок сыпался, но они послушно остались в доме — видимо, боялись графа больше, чем нас. Рецидивы лакейской психологии, как идеологически выдержанно выразился наш замполит, обзрев этих «стражей», поголовно в ливреях, какие носили, должно быть, еще в веке восемнадцатом.

А вот пятый, дворецкий, оказался персоной не в пример интереснее. Помладше подчиненных, годочков шестидесяти пяти, тоже в ливрее, но в знак своего положения гораздо роскошнее расшитой золотом, он держался совершенно иначе. Когда мы приехали осматривать дом (я на «Виллисе» с орди-

РАМЫ БЕЗ КАРТИН

нарцем и разведчиками и «Додж — три четверти» с прихваченными на всякий случай саперами), эта четверка жалась у парадных дверей с таким видом, будто ждала, что мы их тут же развешаем на деревьях в парке. А дворецкий, наоборот, стоял у нижней ступеньки без всякого страха на лице. И приветствовал меня на довольно сносном русском.

Очень быстро все и выяснилось. Осенью четырнадцатого этот экземпляр, будучи пехотинцем бравой австро-венгерской армии, попал к нашим в плен, да так и прибился. Отнюдь не в лагере. Частенько случалось так, что таких австрийков отдавали в работники сибирским крестьянам — война повымела из деревни немало рабочих рук. Вот и этот Иштван осел в глухой деревеньке где-то под Иркутском, а поскольку оказался еще и сапожником, жил не припеваючи, но близко к тому. Когда грянула революция, многие венгры пошли в Красную армию, но Иштван ни о чем подобном не подумывал. Должно быть, решил пересидеть в безопасном месте и новую войну. Было в нем что-то от бравого солдата Швейка — назад в Венгрию репатриировался только весной двадцать первого, так что пересидел в Сибири и красную революцию, и белый террор, заявился на милую родину не раньше чем там более-менее успокоилось...

Он меня и водил по дому, с ухватками опытного экскурсовода. Особой роскоши я там не увидел, разве что охотничьих трофеев обнаружил превеликое множество: и медвежьи головы, и кабаньи, и олени, чучела волков и серн, чучела фазанов и даже

парочки орлов. Граф, судя по всему, охотником был заядлым. Ну, и много картин, в основном представлявших живыми, во всей красе, будущие охотничьи трофеи посреди дикого леса либо пышные охотничьи кавалькады. Понемногу мне это однообразие стало надоедать, Иштван это определенно заметил и уже не спешил с пояснениями насчет какой-нибудь особенно большой кабаньей головы с внушительными клычищами или волчьего чучела незаурядных размеров. Сказал осторожно:

— Я так полагаю, господин капитан, вам все это не так уж и интересно?

— Откровенно говоря, да, — сказал я. — Я здесь не туристом и не покупателем дома. Да и особенной любви к охоте не питаю. У меня гораздо более прозаическая задача: быстро и удобно разместить моих солдат. И вот тут-то вы мне можете изрядно помочь.

— Разумеется, все, что в моих силах... — Он посмотрел хитровато, опять-таки по-швейковски. — В любой армии мира присутствует субординация. Прежде всего, мне думается, нужно подыскать подходящую комнату для вас как для командира роты, потом я, с вашего позволения, займусь устройством ваших офицеров и, наконец, солдат. У вас нет возражений?

— Пожалуй, нет, — сказал я. — Только имейте в виду: меня вовсе не привлекает что-то роскошное, вроде тех спален, что я видел на первом этаже. Желательно что-нибудь попроще. Чтобы от двери к кровати не пришлось ехать на велосипеде.

РАМЫ БЕЗ КАРТИН

— О, я понял! В таком случае... Быть может, вы посмотрите малую спальню господина графа? Большая спальня предназначалась для тех случаев, когда господина графа на охоту сопровождала супруга, а малая для тех случаев... — физиономия у него опять стала плутовская, — когда не сопровождала. Туда мы еще не заходили...

— Ну так пойдёмте, — сказал я.

Поскольку речь, безусловно, шла об амурном гнездышке графа, которым он пользовался в отсутствие супруги, я ожидал увидеть нечто обставленное и декорированное крайне легкомысленно — и собиравшись заранее отказаться от будуара его светлости. Не самое подходящее место для спальни советского офицера. Опять же, шуточки за спиной пойдут...

Однако было сразу видно, что граф, как бы ни относился к прекрасному полу (а относился он к нему, надо полагать, очень даже трепетно, раз оборудовал «малую» спальню), всяких рюшечек-кружавчиков терпеть не мог. На будуар это нисколько не походило: красивая, но строгая мебель темного дерева, никаких легкомысленных картин или фривольных гравюр. Только две большие картины на противоположных стенах. На одной изображена в человеческий рост вполне приличная красавица в платье, по моему, восемнадцатого века, совсем молодая, светло-волосая и синеглазая, стоявшая у высокого стола на одной массивной вычурной ноге, на котором ничего не было, кроме изящного графина с чем-то пурпурным и двух высоких стаканов. Казалось, она смотрит мне в глаза с легкой, лукавой улыбкой.

— Восемнадцатый век, а? — спросил я. — Судя по платью...

— Господин капитан разбирается в таких вещах?

Я не стал ему рассказывать, что в прошлой, мирной жизни собирался стать искусствоведом — но с третьего курса сорвал сорок первый год. Сказал только:

— Разбираюсь.

— Да, портрет написан в тысяча семьсот сорок шестом году. Внизу, справа, есть дата и подпись художника...

— Кто-то из предков графа?

— Не совсем, господин капитан. Это — графиня Эржи Пароттай... возлюбленная графа Рудольфа, прапрадедушки нынешнего. Насколько я знаю, очень романтическая... и очень печальная история. Примерно через полгода после написания портрета муж графини обо всем узнал. В те времена искусство подсыпать яд в бокал было доведено до совершенства.

— А что граф Рудольф? — спросил я уже с интересом.

— У него были подозрения, но не было доказательств...

— Мне почему-то казалось, что в те времена люди не особенно утруждали себя поиском доказательств, — усмехнулся я.

— Да, пожалуй... трудно сказать, как развернулись бы события дальше — пошли разговоры, кто-то прямо указывал на не особенно честного аптекаря, многим обязанного графу Пароттай... вот только